

В. Н. СЕДЫХ (*Санкт-Пetersбург*)

КЛАДЫ

Среди множества проблем нумизматики, археологии и истории, находящихся в поле зрения Валентина Наумовича Рябцевича, спорные вопросы хронологии, состава и причин выпадения кладов монет на территории Восточной Европы занимают особое место. Им посвящены специальные статьи, разделы монографических исследований и популярные очерки.

Монетные клады — памятники, отражающие состав и закономерности денежного обращения, направление международных и внутренних экономических, политических, культурных связей определенной страны в тот или иной период. Они являются своеобразными регуляторами нормального функционирования товарного рынка, где монетная масса — количество монет (денег) — зависит от двух основных составляющих рынка: от общей суммы цен обращающихся товаров (суммы товарных цен) и от интенсивности торговых операций, т. е. скорости обращения денег¹.

Возникновение своеобразных «резервных фондов», переход обращающейся монеты в неподвижное сокровище объясняются исследователями по-разному. Выдвинуто несколько возможных вариантов решения этой чрезвычайно сложной проблемы.

Одни ученые полагают, что все клады носили *культутовый характер* и посвящались богам, знатным умершим или священным местам. Зафиксированные находки кладов под камнями, в болотах или озерах, реках, под деревьями или их остатками могут объясняться желанием отметить место, где зарыт клад. Вместе с тем этнографические данные, народные предания и письменные источники свидетельствуют о почитании и поклонении древних славян и других народов Восточной Европы деревьям, камням, озерам и источникам, которым они приносили жертвы. Часть находок кладов, таким образом, может рассматриваться в качестве жертвоприношений. Примеры из жизни варварских племен свидетельствуют, что, например, скандинавы считали необходимым являться в загробный мир к богу Одину с сокровищами. В «Саге об Инглингах» говорится, что Фрейр был погребен в большом кургане вместе с золотом, серебром и медью, причем они не просто сопровождали покойника в мир иной, а являлись *жертвоприношением* богам с целью обеспечения мирной и спокойной жизни живущим.

Некоторая корректировка может быть сделана в отношении кладов, в составе которых встречены монеты с граффити в виде отдельных рунических знаков или целых надписей. В данном случае может быть поставлен вопрос о культовом назначении таких кладов. Напомним, что некоторые рунические знаки, зафиксированные на монетах, означают «неурожай», «град», «лед», «нужда», «болезни», «язва» и т. п., другие же, наоборот, носят благоприятный характер, а именно — «богатство», «процветание», «добро», «солнце», «урожайный год». Так, одно из рунических граффити, обнаруженное на куфическом дирхаме из известного Тимеревского депозита IX в., дает основания высказать предположения о причинах зарытия клада. Эта надпись интерпретирована как «Бог» или «Боги». Следовательно, данная монета могла входить в состав культового клада или просто придавала зарытому сокровищу сакральный характер. Анализ ее сохранности позволил Е. А. Мельниковой заключить, что «надпись была сделана за некоторое время до зарытия клада»². В шведских кладах на монетах с граффити надписи старшими рунами gud («бог [и]») и надписи младшими рунами ku с тем же значением — наиболее часты³. Кроме Тимерева, на территории Восточной Европы монеты с аналогичными граффити были встречены в кладах еще дважды — в Киеве и Копиевке⁴.

Таким образом, можно предполагать, что несмотря на активное участие в трансевропейской торговле, культурных, политических и иных связях, для населения Древней Руси, да, впрочем, и Скандинавии, клады не были в полной мере явлением экономическим, и сокровищам, видимо, в некоторых случаях придавался *сакральный характер*. Это типично для определенной стадии общественного развития. Так, в период расцвета Великого Волжского пути и интенсификации дальних торговых связей — в X в. — клады практически отсутствуют, в то время как разнообразие импорта свидетельствует о широком участии местного населения в международной торговле. Можно думать, что в IX—X вв. внешний и внутренний обмен находился на таком уровне, когда в операции не обязательно было участие торгового эквивалента (в данном случае — арабской серебряной монеты), и поэтому сокровища попадали в землю.

Другие исследователи считают, что сокровища прятались в землю в период сильных общественных потрясений (войны, междоусобицы, народные восстания, вражеские нашествия, стихийные бедствия) и по каким-то причинам не были востребованы — скорее всего, погибали их владельцы. Мнению о преимущественном сокрытии кладов в периоды общественных потрясений противоречит тщательная упаковка перед зарытием в землю большинства обнаруженных кладов (например, помещение в горшок, залитый затем воском или смолой — клад 1914 г. из д. Пальцево Тверской губ. и др.). В. Н. Рябцевич считает, что клады «как результат тревожной обста-

новки составляют сравнительно небольшую часть обнаруживаемых денежных тайников»⁵.

Третья группа исследователей полагает, что ценности скрывали от своих же сородичей как *частную собственность*, либо они принадлежали общинам и владельцы-ремесленники боялись хранить в мастерских такое значительное количество серебра: они доставали серебряные монеты для нужд производства по мере необходимости, переплавляя их на амулеты и украшения, но по каким-либо причинам не успевали утилизировать полностью эти ссороны⁶.

Наконец, в науке представлено мнение, что причиной выпадения кладов может являться оживление деятельности рынка, развитие товарно-денежных отношений. Так, ссылаясь на опубликованные американским нумизматом Т. Нунаном данные, А. Н. Кирпичников в ряде статей характеризует период 860—880-х гг. как время роста торговой активности и расширения международной торговли⁷. Приведенные сопоставления, по мнению автора, говорят о неуклонном росте монетных поступлений на территорию Восточной Европы в период, совпадающий с деятельностью основателя новой династии князя Рюрика, свидетельством чего являются многочисленные клады арабских монет этого периода.

В целом причины сокрытия кладов у северных народов в эпоху раннего средневековья весьма разнообразны и, очевидно, не имеют однозначных решений. Вслед за учеными-нумизматами можно разделить все клады на две группы: *экономические*, или *возвратные*, сокрытые с целью сохранения, и *культовые*, или *безвозвратные*, — жертвоприношения.

На ранних этапах развития денежного обращения формирующихся феодальных государств функция накопления стимулирует интенсивное образование сокровищ. Излишки денег в крупных торгово-ремесленных и военно-административных центрах могли оседать в земле и превращаться в сокровище, которое могло быть востребовано в моменты «денежного голода».

Как свидетельствуют письменные источники, использование земли для хранения ценностей на Руси имеет многовековую историю. Помещение денег в землю было повседневым, обычным явлением, что было обусловлено отсутствием возможности организованного и надежного их хранения. Кроме того, земля, как древний «сейф», обеспечивала сохранность денег во время частых в эпоху средневековья пожаров. Письменные источники фиксируют клады как способ хранения ценностей уже со второй половины XI в. — «Повесть о крещении Владимира» (конец XI в., нравоучение заимствовано из Евангелия от Матфея: «Не скрывайте себе сокровищ на земли...»), «Чтение о Борисе и Глебе» (XI — начало XII в.), «Печерский патерик» (XII в.) и др.⁸ Иноземцы, посетившие русские земли в XVI—XVII вв., отмечали в своих записках странный, по их мнению, русский обычай хранить деньги в земле «...по обычаю, заимствованному от предков»⁹.

При всем разнообразии возможных причин сокрытия кладов восточных монет в Древней Руси комплексное исследование археологических и нумизматических данных позволяет вполне обоснованно предположить причины выпадения кладов в раннегосударственный период. Особый интерес представляет анализ композиций кладов, которые относятся к периоду 860—870-х гг.

Во времена Рюрика (860—879) количество выпавших кладов значительно увеличилось: именно в эти годы было захоронено более половины всех дирхамов, зарытых в Восточной Европе в период между 780 и 899 гг.¹⁰ Клады этого периода преимущественно состояли из аббасидских дирхамов. Основываясь на данных Т. Нунана¹¹, состав крупных кладов восточных монет этого периода можно представить следующим образом:

Наименование клада	Год сокрытия	Количество монет	Процент аббасидских монет
Б. Тимерево	865	2762	91
Любынь	873	2361	94
Хитровка	873	465	96
Бобыли	876	337	96
Шумилово	871	1227	97
Железница	878	258	100

Как правило, денежные захоронения этого периода при абсолютном преобладании аббасидских эмиссий содержат небольшое количество умайдских дирхамов и монет эмирских династий (Идрисидов, Хараджидов, Алидов Табаристана и др.). Крупнейший для IX века клад из Тимерева имеет в своем составе все необходимые для кладов этого периода компоненты и сходен с ними по составу¹².

Представление о том, что 860—879 гг. был и периодом интенсивной торговли Руси с Востоком, очевидно, является ошибочным. Это следует из анализа *композиции* кладов этого периода. Многие из дирхамов, импортированных в Восточную Европу *до времени правления Рюрика*, еще долго оставались в обращении. В шести крупнейших кладах этого периода доля дирхамов, чеканенных до 862 г., составляет от 70 до 98 %, причем абсолютное их большинство чеканено в первые два десятилетия IX столетия¹³.

Действительно, большинство монет кладов этого времени было импортировано в Восточную Европу *до 860 г.* и еще долго оставалось в обращении. В Тимеревском кладе 865 г. лишь 2 % дирхамов было чеканено после 862 г., а более 88 % — в предшествующее время. В кладе из Любыни (873 г.) только 30 % монет были отчеканены после 862 г., а 70 % — ранее. В кладе из Шумилово (871) 63 % дирхамов были чеканены до 819 г., 18 % — между 820

и 859 гг.; соответствующие данные для кладов из Погребного (876) — 72 и 12 %, из Бобылей (876) — 62 и 17 %, из Хитровки (873) — 68 и 18 %.

Сравнение состава восточноевропейских кладов этого периода с составом кладов с Ближнего Востока с убедительностью показывает, что они различны. Так, известный клад 878—879 гг. из Сузы (Иран) содержал в своем составе 90 % дирхамов, отчеканенных в 860—870-х гг.¹⁴ Иными словами, в 860—870-е гг. на Ближнем Востоке обращалось совсем немного «старых» дирхамов. Таким образом, большинство дирхамов, бывших в обращении Восточной Европы во времена Рюрика, попали туда *до 860 г.*, в период *предшествующих интенсивных русско-арабских торговых связей*¹⁵. Как считает В. Н. Рябцевич, «упадок экономики на определенной территории может иметь своим выражением резкое увеличение числа монетных захоронений только в том случае, если территория эта *обладала ранее достаточно развитыми товарно-денежными отношениями*» [разрядка моя. — В. С.]¹⁶. Именно эти скопившиеся ранее сокровища в период нестабильности помещались в тайники «до лучших времен».

Очевидно, что накопленные в Восточной Европе в предшествующий призванию Рюрика период богатства в виде серебряных дирхамов и изделий из них привлекали викингов в русские земли. Основной их целью было подчинение местного населения, обложение его регулярной данью, контроль над участками Великого Волжского пути — основной магистрали поступления восточного серебра, т. е. борьба за доминирующее положение в русско-арабской торговле.

Военно-политическая нестабильность в эпоху Рюрика способствовала тому, что накопленные ранее дирхамы интенсивно стали попадать в землю. Они зафиксированы на основной государственной территории того времени: в столицах — Новгороде (864), на Рюриковом городище (860-е гг., два случая), в Ладоге (см. ниже), на путях, контролировавшихся сторонниками Рюрика в Панкино (863), Иловце (864), Потерпильцах (866), Москве (866), Торопецкой округе (867), Шумилове (871), Кузнецком (870-е гг.); в военно-торговых и военно-административных центрах, основанных в этот период, — в Тимереве (860-е гг., три случая)¹⁷.

Вполне правомерным представляется отнесение к следствиям бурной истории IX в. и депозитов, не востребованных из-за тревожной обстановки, но спрятанных в землю до ее наступления в 860-х гг. Так, Ладожский клад дирхамов (847) был спрятан, исходя из стратиграфических данных, не ранее 870-х гг.¹⁸ К такимкладам, очевидно, примыкают клады, обнаруженные на Западной Двине (Даугаве), датируемые (по младшей монете) временем до призвания Рюрика, — Ахремцы (852), Гробин (853), Соболево (857), и эпохой Рюрика — Лучесы (862), Витебская губ. (866), Лифляндская губ. (872)¹⁹. Как и «среднеокский» сгусток кладов — Раствоец (864), Борки (867

и 869), Мишнево (869), Гручино (860-е гг.), Острогов (870), Хитровка (873), Железницы (878), клады по западно-двинской водной магистрали обязаны своим появлением, вероятно, поискам новых вариантов торговых путей зарождающегося государства.

Вспышкой военных действий, «... которые нарушали картину нормального, равномерного и довольно редкого невостребования кладов», объясняют В. А. Булкин и Д. А. Мачинский появление двух «сгустков» кладов (волго-балтского и среднеокского) в период 862—878 гг.²⁰

Неспокойное время отразилось, очевидно, и в другом виде памятников — погребальных древностях. Именно к эпохе Рюрика на Руси относятся первые скандинавские погребальные комплексы — курган № 95 могильника Костино в Юго-Восточном Приладожье, курганы Кусцинского, курган Ц-2 и № 47 Лесной группы в Гнездово, некоторые курганы могильника Новоселки под Смоленском, курган № 95 Тимеревского могильника под Ярославлем²¹.

Таким образом, несомненно, правы исследователи, считающие начальный период становления древнерусского государства — эпоху Рюрика — временем обращения огромного количества дирхамов, поступивших в пределы Восточной Европы до 860 г. скромного уровня коммерческих отношений с Востоком и интенсивных столкновений в землях, включаемых в состав молодого государственного образования. Именно все это стало причиной появления больших кладов, подобных кладам из Тимерева, Любыни и др. Нет сомнений, что дальнейшие археолого-нумизматические исследования позволят полнее воссоздать картину первых веков русской истории.

---

¹ *Рябцевич В. Н.* Некоторые вопросы тезаврации сокровищ // *Вопр. истории древнего мира и средних веков.* Минск, 1970. С. 150—161.

² *Мельникова Е. А.* Скандинавские рунические надписи. Новые находки и интерпретации. Тексты, перевод, комментарий. М., 2001. С. 128.

³ *Добровольский И. Г., Дубов И. В., Кузьменко Ю. К.* Граффити на восточных монетах. Древняя Русь и сопредельные страны. Л., 1991. С. 42, 104.

⁴ *Мельникова Е. А.* Скандинавские рунические надписи. Новые находки и интерпретации. С. 128—151.

⁵ *Рябцевич В. Н.* О чем рассказывают монеты. 2-е изд., перераб. и доп. Минск, 1977. С. 43.

⁶ *Дубов И. В., Седых В. Н.* О возможных причинах сокрытия кладов восточных монет в Древней Руси и Скандинавии // *Клады: состав, хронология, интерпретация: Материалы темат. науч. конф. Санкт-Петербург, 26—29 ноября 2002 г.* СПб., 2002. С. 11—14.

⁷ *Кирпичников А. Н.* Великий Волжский путь, его историческое и международное значение // *Великий Волжский путь: Материалы «круглого стола» «Великий Волжский путь» и Междунар. науч. семинара «Историко-культурное наследие Великого Волжского пути».* Казань, 28—29 августа 2000 г. Казань, 2001. С. 9—35; *Великий Волжский путь и эпоха торговой революции // Великий Волжский путь: история формирования и разви-*

тия. Материалы «круглого стола» «Великий Волжский путь и Волжская Болгария» и Междунар. науч.-практ. конф. «Великий Волжский путь». Ч. 2. Казань, 2002. С. 188—217.

⁸ *Рябцевич В. Н.* Некоторые вопросы тезаврации сокровищ. С. 153—155.

⁹ *Мейерберг А.* Путешествие в Московию // Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. Кн. 1, разд. 4. М., 1873.

¹⁰ *Нунан Т. С., Ковалев Р. К.* Клад 873/74 гг. из Любыни: войны и захоронение кладов в эпоху Рюрика // Клады: состав, хронология, интерпретация: Материалы темат. науч. конф. Санкт-Петербург, 26—29 ноября 2002 г. СПб., 2002. С. 154.

¹¹ *Noonan T. S.* Ninth century dirham hoards from European Russia: A preliminary analysis // *Viking-Age Coinage in the Northern Lands*. Ed. M. A. S. Blackburn and D. M. Metcalf. Oxford: BAR, 1981. P. 47—117. Table C.

¹² *Дубов И. В., Добровольский И. Г.* Комплекс памятников у деревни Большое Тимерево под Ярославлем (по археологическим и нумизматическим данным) // Вестн. ЛГУ. 1975. Вып. 1. № 2. С. 65—70.

¹³ *Седых В. Н.* Верхнее Поволжье в системе Великого Волжского пути (по археолого-нумизматическим данным) // Великий Волжский путь: Материалы II этапа Междунар. науч.-практ. конф. «Великий Волжский путь». Санкт-Петербург; Стокгольм; Санкт-Петербург, 5—14 августа 2002 г. Ч. 2. Казань, 2003. С. 137—145.

¹⁴ *Нунан Т. С., Ковалев Р. К.* Клад 873/74 гг. из Любыни: войны и захоронение кладов в эпоху Рюрика. С. 154—155.

¹⁵ Об интенсивности этих связей свидетельствуют клады первой половины столетия.

¹⁶ *Рябцевич В. Н.* Некоторые вопросы тезаврации сокровищ. С. 161.

¹⁷ *Седых В. Н.* Новые данные к истории Великого Волжского пути // Великий Волжский путь. Материалы «круглого стола» «Великий Волжский путь» и Междунар. науч. семинара «Историко-культурное наследие Великого Волжского пути». Казань, 28—29 августа 2000 г. Казань, 2001. С. 177; Ярославское Поволжье эпохи раннего средневековья в исследованиях кафедры археологии Санкт-Петербургского университета // Археология: история и перспективы: I межрегиональная конф. Ярославль, 2003. С. 267—278.

¹⁸ *Мачинский Д. А.* Почему и в каком смысле Ладогу следует считать первой столицей Руси // Ладога и Северная Евразия от Байкала до Ла-Манша. Связующие пути и организующие центры: VI чтения памяти Анны Мачинской. Старая Ладога, 21—23 дек. 2001 года. Сб. ст. СПб., 2002. С. 25.

¹⁹ *Марков А.* Топография кладов восточных монет (сасанидских и куфических). СПб., 1910; *Янин В. Л.* Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М., 1956.

²⁰ *Булкин В. А., Мачинский Д. А.* Русь конца VIII — начала X вв. на балто-волжском и балто-донском путях // Финно-угры и славяне (Проблемы историко-культурных контактов). Сыктывкар, 1986. С. 14.

²¹ *Седых В. Н.* Северная Русь в эпоху Рюрика по данным археологии и нумизматики // Ладога и истоки российской государственности и культуры. СПб., 2003. С. 84—96.